

Глава 4. В ПОИСКЕ ИМЕН

Рассказывает директор музея школы № 53 (бывшей художественной школы № 2) **ИГОРЬ ВАЛЕНТИНОВИЧ КОВШОВ**, офицер и сын офицера:

– Еще в пионерские годы в начале семидесятых приходилось встречаться с ветеранами и записывать их воспоминания.

Тогда еще были живы легендарные личности – снайпер из Сталинграда Василий Зайцев, комиссар Мухамедьяров – последний из панфиловцев, кто уцелел и видел политрука Клочкова за день до знаменитого боя, фронтовой фотокорреспондент Евгений Халдей, снявший эпохальный снимок установки Знамени Победы на рейхстаге...

Но по-настоящему я увлекся поиском, когда, приехав вместе с отцом-офицером, переведенным по службе в Мурманск, я стал учиться с 1976 года в школе № 10 этого города. Учитель истории Вячеслав Васильевич Дранишников – создатель школьного музея, замечательный краевед Заполярья, собирал целые коллекции артефактов о войне... Музей занимал чуть ли не весь первый этаж, там были фрагменты самолетов, части орудий, стрелковое вооружение, подлинное обмундирование. Ведь фронт проходил в 50 км от Мурманска. Сколько подлинных документов, судеб и необыкновенных людей.

В общем, Мурманск затянул меня в поисковую работу. Пока служил офицером, всегда пытался прикоснуться к «войне». Но все были только урывки...

И семья, и служба, и обязанности...

И вот – после увольнения – я попал в музей боевой славы 96-й Шуменской танковой бригады имени Челябинского комсомола во 2-й железнодорожной (теперь 53-й) школе в Советском районе. Я решил найти себе соратников-поисковиков, коими оказались мои друзья теперь – отряд «Ориентир».

Снова, как в юности, пришло ощущение счастья оттого, что делаешь что-то очень нужное, что успеваешь отдать долги тем, благодаря кому ты и живешь на свете...

По-настоящему я испытал это чувство вновь, когда на окраине новгородской деревушки Переходы в мае 2013 года мы отыскали неизвестное боевое захоронение наших уральских лыжников...

Идею дал председатель отряда «Ориентир» Сергей Анатольевич Кондратцев. Его дед служил в 248-м отдельном лыжном батальо-

1922, уроженец Одесской области, мобилизован Саткинским РВК Челябинской области.

Подняв Донесение о боевых потерях I Ударной армии №0191 от 07.04.1942 года, нашли запись, относящуюся к владельцу найденного медальона:

Касьяненко Владимир Алексеевич, пулеметчик 248-го отдельного лыжного батальона, погиб 09.03.1943 в бою за д. Переходы.

Все встало на свои места: мы нашли наших уральских ребят, призванных из горнозаводской зоны в лыжные бригады осенью 1941 года.

Кроме того, в Донесении о боевых потерях I Ударной армии №0191 от 07.04.1942 года погибшими за 09.03.1942 года числятся 64 военнослужащих и среди них два младших лейтенанта: Власов Сергей Иванович, 1919 г.р. и Феофанов Василий Сергеевич, 1910 г.р., командиры взводов. По всей вероятности, именно им принадлежали обнаруженные знаки различия.

Потом удалось выяснить, что 9 марта 1942 года весь лыжный состав батальона, прибывший литерным эшелоном, был с марша брошен в бой за деревню Переходы. Решающего перевеса в боях никто не имел, и деревня несколько раз переходила из рук в руки. Лыжные батальоны, как мобильные части, пригодны были для использования в условиях снежно-бездорожья и отсутствия сплошной линии фронта.

После боев деревня осталась на территории, занятой противником, и наши погибшие ребята по весне были захоронены местными жителями на пепелище дома.

На следующий год, неподалеку от Переходов, на месте заброшенного после войны села Быстрый Берег были найдены останки еще 20 наших воинов. Была установлена фамилия одного из них – лейтенанта Джеляля Джемилева, крымского татарина.

Примечательно, что мы его нашли именно тогда, когда Крым вновь стал российским! Родственников нашли немедленно, и они приехали из Крыма сразу! Это имело огромный общественный резонанс летом 2014 года, и понятно почему. На перезахоронение приехали родственники и из Крыма, и из Москвы.

В ходе экспедиций 2013–2016 годов, помимо прямых поисковых работ на местности, были установлены три мемориальные плиты на двух воинских захоронениях в д. Переходы и Кудрово Новгородской области, увековечивающие память о бойцах и командирах 248-го лыжного отдельного батальона, погибших или пропавших без вести. Плиты были привезены нашим отрядом из Челябинска. У многих найденных воинов нашлись родственники, и все они побывали на могилах своих близких, горячо благодаря нас за поиск.

Все экспонаты – найденные вещи, оружие и документы – легли в основу музея уральских лыжников в школе №5, который создал С.А. Кондратцев. В феврале 2017 года отряд «Ориентир» вручил портфолио каждому из родственников 74 южноуральцев, судьба которых нами была установлена.

И сейчас мы собираем заявки от земляков, желающих установить судьбу своих близких. За 2015–2016 годы мы приняли заявки на более чем 800 человек. На сегодняшний день установлена судьба 185 из них. Это хороший результат.

С 20 по 22 июня наш отряд организывает на Кировке свой выставочный центр «Свеча памяти» и прием заявок в ночь с 21 на 22 июня – день нападения Германии на СССР.

Скажу от себя лично: только в боях за крошечную деревню Переходы и ее окрестности, где сейчас живет 23 человека, погибло в несколько раз больше наших ребят. А за деревню Великое Село за 1942–43 гг. не менее трех тысяч. Работы нам хватит на десятилетия...

ЭПОХА 1950–2000 ГГ.

УРАЛ ОПОРНЫЙ КРАЙ
ДЕЛКАВЫ
ЕЕ ДОБЫТЧИК
И КУЗНЕЦ

ЭПОХА 1950–2000 гг.

ЧАСТЬ V

ПОЛВЕКА МИРНОЙ ЖИЗНИ,
О КОТОРЫХ РАССКАЗАНО
В ЭТОЙ ГЛАВЕ, – ЭТО
ЦЕЛАЯ ЭПОХА ОБРЕТЕНИЯ
МУДРОСТИ И ПОНИМАНИЯ
ЦЕННОСТИ КАЖДОГО
ЧЕЛОВЕКА.

Глава 1. ЭХО ВОЙНЫ...

Немногие, вернувшись с войны, смогли сразу отыскать свое место в мирной жизни. Это под силу только крепким, выносливым людям.

Таким в нашем районе оказался **АЛЕКСАНДР СПИРИДОНОВИЧ КИСЛИЦЫН** (1902–1965 гг.), выпускник пехотной школы, член партии с 1923 года. Участник боев на Халхин-Голе в 1939 году, он встретил войну на Крайнем Западе, на берегу реки Буг возле Бреста, где был ранен в первый день, будучи начальником штаба танковой дивизии.

После госпиталя он непрерывно находился на передовой – при обороне Москвы, на Северном Кавказе, в Белоруссии и Прибалтике, став во главе тяжелого танкового полка прорыва резерва Главного командования. Закончил войну на реке под Магдебургом, командуя бригадой самоходок САУ, что выпускал Кировский завод в Челябинске.

В Танкоград – город, почитаемый им, – он приехал в начале пятидесятых и сразу организовал военно-историческую секцию в местном Доме офицеров. Был избран

Памятная доска А.С. Кислицыну, ул. Тимирязева, 28

Памятная доска А.С. Кислицыну

председателем областного совета ветеранов, кем и оставался до последнего вздоха...

Автор хорошо помнит этого жизнерадостного, остроумного, подвижного человека, среднего роста, как все танкисты, прекрасного рассказчика фронтовых эпизодов, отца двух детей (причем его сын – фронтовой разведчик и тоже боевой офицер, живший после войны в Ленинграде). Вся комната, где работал Александр Спиридонович, была заполнена книгами о Великой Отечественной, стопами рукописей как самого автора (а он написал несколько книг мемуаров), так и пестуемых им участников боевых действий, делающих первые шаги в батальных воспоминаниях...

Титаническая работа первопроходца – сбор данных о Героях Советского Союза, отдаленных уже эпохой освоения целины, первых полетов человека в космос, борьбой с культом личности вождя-генералиссимуса. Приходилось отстаивать каждое имя, писать в разные инстанции и комиссариаты, ибо непроста была личная жизнь ветерана-южноуральца, где боевые эпизоды контрастировали с буд-

ничной суетой, трудностями и семейными неурядицами.

Как умел Александр Спиридонович воодушевить скромного ветерана (иногда не нашедшего себя в мирной жизни, растерянного от смены курса: кадровые офицеры принуждались покидать армию, танки и пушки списывались, теряя престиж перед ракетами, устремленными в космос). Но люди все-таки усаживались вопреки всему за бумагу и брали в руки перо во имя памяти соратников.

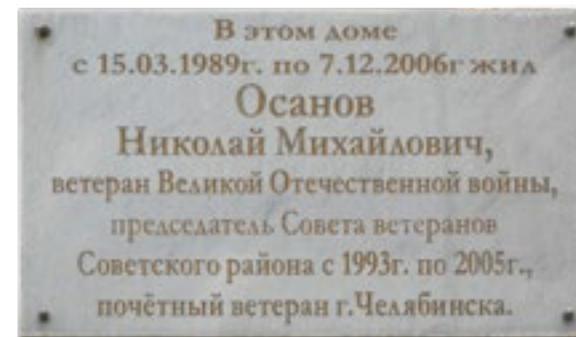
Полковник Кислицын, ставший писателем-историком, явился первым встреченным мною ветераном, отстаивавшим правду о Бресте (он помогал С. Смирнову в отстаивании точной картины о первых днях сражения крепости); он деликатно помогал и мне – сыну военных лет, где трагизм и мужество сочетались между собой, раскрывая всю суть человека в испытаниях.

Дело Александра Спиридоновича продолжил **ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ** (1922–2007), бывший в годы войны комсоргом, а потом политруком в разных частях и соединениях. Окончив после войны Ленинградский военно-политический институт, служа в политотделах Уральского военного округа, а затем Челябинского высшего танкового училища, с 1977 года он на протяжении почти четверти века возглавлял областной совет ветеранов, имея много орденов и медалей. Но он уже не писал своих воспоминаний, хотя в его время несколько раз менялись исторические оценки прошлого.

Петр Михайлович оставался на твердых позициях, не признавая либеральной точки зрения 1991–93 гг. (развала Советского Союза).

Памятная доска П.М. Кузнецову, ул. Пушкина, 62

Во многом разделял его точку зрения и председатель Советского районного совета ветеранов Великой Отечественной войны **НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ОСАНОВ** (1915–2006), служивший в период войны на Дальневосточном фронте и награжденный орденом Отечественной войны II степени в 1945 году, медалями «За победу над Японией» и др.

После войны он – выпускник горного техникума в 1934 году – стал директором Копейского техникума того же профиля, окончил Свердловский горный институт (1954), работал главным горняком южной группы шахт комбината «Челябинскуголь». Был одним из основателей ветеранской организации Советского района.

Он увлекался велоспортом, гонками и велопробегам, занимался коллекционированием нагрудных знаков и медалей, написал монографию «Эволюция монетной системы стран соцлагеря», опубликованную впоследствии в переводе в США. Тогда же он становится полным кавалером знака «Шахтерская слава» (1965, 1975, 1980).

Характер этого человека позволял ему прекрасно воздействовать на молодежь, давая ей пример оптимистического мировоззрения и преодоления трудностей.

В 60-е годы пришлось мне встречать и других участников войны. На улице Цвиллинга я посещал седого ветерана-поэта – **ОСВАЛЬДА ПЛЕБЕЙСКОГО**, который читал мне такие стихи о тыловом Челябинске:

*Ах, Цвиллинга, Цвиллинга, 34,
Четырехэтажный на пустыре
Дом, где буржуйка в каждой квартире,
Вернее – в холодной и грязной норе.*

*Из каждой форточки, словно судьба,
То воню, то дымом курится труба.
Стопушечным дивом на черной заре
Плывет он и жутко на пустыре.*

*Это дом наш несбывшихся чаяний,
Это дом воришек отчаянных.
Это дом похоронок, отчаяний,
Это дом интересов нечаянных.*

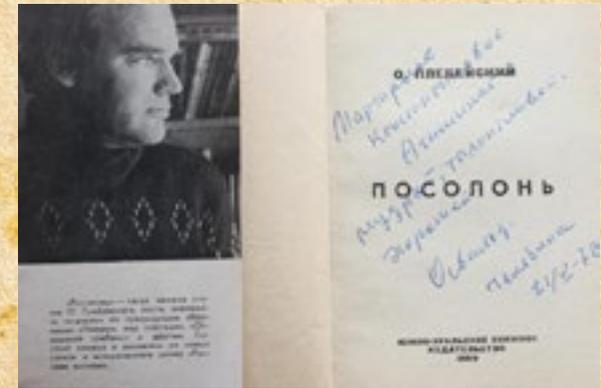
*Ах, Цвиллинга, Цвиллинга, 34,
По десять семей в развалюхе-квартире.*

Мне, помнящему свое детство в отапливаемом доме по Свободе, 108А, было чуточку страшно от таких стихов, но я просил прочитать еще что-нибудь о войне. «Я ушел на фронт, как только мне исполнилось восемнадцать», – сказал поэт, опираясь на трость и хлебнув водки из стакана.

«Вам часто снится война, наверное?» – спросил я. В ответ он махнул рукой: «Об этом невозможно забыть. А написать правду – не дадут. Не те времена...»

Я знал, что он прошел боевой путь от Киева до Карпат, был тяжело ранен. После войны и демобилизации поступил в Челябинский пединститут, где в 1945 году выпустил рукописный сборник стихов и был арестован за фронтовые стихи, хотя они очень понравились Людмиле Татьяничевой. Но отстоять поэта тогда не смогли. После десяти лет заключения (как все поэты, он перенес его с достоинством) вышел на свободу и стал редактором местного издания. Сборник «Откликной гребень» вышел в 1966 году, за который его приняли в Союз писателей. Но после второго сборника «Посолонь» он уехал из города куда-то, и лишь много времени спустя мы узнали, что он живет в Волгограде, выпуская изредка тонкие сборники. Только после его ухода в 1997 году память о поэте и земляке вернулась в город в виде статьи в «Энциклопедии Челябинской области», а также книг Е. Трубникова и В. Черноземцева.

Оказалось, что память о поэте способна противостоять времени. Как сказано у Генриха Манна в романе о Генрихе IV: «Мертвых нет, есть только отсутствующие. И они могут подавать о себе весть оттуда, где находятся. И даже бесспорно, что некоторые из них возвращаются...». Особенно это свойство присуще поэтам. Но не только им...

*Летят снаряды в воздухе густом,
Но отдыхать приказано солдатам.
Мой друг, откинув руку, под кустом
Лежит в обнимку с теплым автоматом.*

*Шипучей пулей он был срезан здесь.
Он смотрит в небо, нежно улыбаясь.
В его глазах земля и порох есть
И жажды счастья дымка голубая.*

*Потом мы взяли на руки его,
Спустили в щель на вековечный отдых,
И, не сказав на память ничего,
Три гулких залпа выпустили в воздух.*

*Скатился, как начищенный пятак,
Осенний лист с фуражки капитана.
Спокойны мы. Но это просто так –
Угрюмое спокойствие вулкана.*

Станислав Вечутов (1963–1983) – школа № 11
Евгений Бондаренко (1965–1985) – школа № 11

Андрей Голендухин (1963–1983) – школа № 17

Анатолий Маняев (1966–1984) – школа № 15

Глава 2. СПУСТЯ СОРОК ЛЕТ

И действительно, после окончания Великой Отечественной на Урал возвратились из боев ровесники моего сына, легли в родную землю, будучи неженатыми гвардии рядовыми, ефрейторами, сержантами. И появились памятные доски, кроме могильных надгробий, на стенах школ, в которых их пестовали от азбуки до сочинений «За что я люблю Родину».

Все – награжденные советским орденом Красной Звезды (посмертно), ибо они до конца исполнили интернациональный долг в пещках и горах Афганистана, но так и не смогли предотвратить распад страны, под красным знаменем и звездой которой сражались и потеряли свою едва-едва начатую жизнь без наследников...

Лицей № 11

Вячеслав Голомазов (1959–1995) –
школа № 53, филиал

Дмитрий Богданов (1980–2000)
орден Мужества – школа № 53, филиал

В следующем поколении, уже под другими знаменами и с другими наградами ушли в небытие следующие сыны нашего города, погибшие уже в пределах наших отечественных границ:

С памятных досок новой страны, которую они защищали от бандформирований (Чечня, Дагестан), пристально смотрят эти парни, щурясь от южного солнца, словно недоумевая внезапному исходу.

Такое состояние, кажется, невозможно описать, но наш земляк Освальд Плебейский в те годы, когда эти парни шли на гибель, написал, вспоминая свой бой:

*Я на душманский пулемет
Бегу. А други – около...
Тут пуля, сладкая как мед,
Под самым сердцем съекала.
В груди – горящее тавро!
Но вас еще потешу я!
Тут пуля выбила ребро,
Как бумеранг взлетевшее.
Я засмеялся – ой, добра
Я наглотался ихнего!
Тут в голове моей дыра
Трубой подзорной вспыхнула.
А пулемет свое долбит:
Мол, ваше имя-отчество!
Заткнись ты! Знаю, что убит.
Да умирать не хочется...*

Олег Каргин (1964–2000) – орден Мужества –
ул. Манакова, 2

Евгений Эпов (1988-2012) – Герой России
(ул. Свободы, 106А).

Мы не имеем право забывать о героизме, мужестве тех студентов, которые были участниками боевых действий. **ЕВГЕНИЙ ЭПОВ** – студент 2-го курса заочной формы обучения, по специальности «вагоны» родился в 1988 г. в селе Мельгидун Читинской области. Окончил чернышевское профессиональное училище № 20. В 2006 г. был призван на военную службу во внутренние войска МВД России. С 2007 г. проходил службу по контракту в отряде специального назначения Уральского регионального командования внутренних войск МВД России (г. Челябинск). По итогам квалификационных испытаний получил право ношения крапового берета. Неоднократно выполнял служебно-боевые задачи в ходе контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе РФ.

27 января 2012 г. сержант Евгений Эпов участвовал в специальных мероприятиях по поиску и ликвидации бандгрупп в лесном массиве

в Кизлярского района Республики Дагестан. В ходе разведывательно-поисковой операции подразделения внутренних войск обнаружили тщательно замаскированную базу боевиков и вступили с ними в бой.

Командуя боковым дозором, сержант Евгений Эпов оценил ситуацию и рассредоточил личный состав по огневым позициям. Бандиты неоднократно пытались прорваться через боевые порядки спецназовцев. Сержант Е. Эпов уверенно руководил подчиненными, сам вел прицельный огонь по противнику. Боевики, забрасывая позиции спецназовцев ручными осколочными гранатами, предприняли очередную попытку прорыва. В критический момент боя, когда огонь боевиков стал особенно плотным, осколочные ранения получили несколько спецназовцев.

Не давая боевикам возможности приблизиться к раненым, Евгений Эпов бросился на по-

В те же годы погиб в схватках с бандформированиями выпускник 53-й школы (бывшей железнодорожной № 2) студент и поэт **ИЛЬЯ БАННИКОВ** (1971–1994), выезжая добровольцем в Абхазию и Приднестровье. В автобиографии он писал: «Я один из немногих журналистов, которые, наплевав на журналистскую этику, участвовали в боях с оружием в руках». Срочную службу он проходил в Калининграде, где и погиб. Награжден медалью «Защитник Приднестровья» и «420 лет Оренбургскому казачьему войску» (посмертно), крестом «За правду и мужество».

мощь товарищам, прикрывая огнем их эвакуацию. В это время он заметил, как ручная граната упала рядом с ранеными военнослужащими, которые не могли укрыться от взрыва. Не раздумывая, сержант Евгений Эпов крикнул: «Граната!» и накрыл ее своим телом. В следующее мгновение раздался взрыв...

Подоспевшие на помощь спецназовцы эвакуировали раненых с линии огня и полностью уничтожили бандгруппу. Только после боя стало понятно, что сержант Евгений Эпов ценой своей жизни обеспечил выполнение боевой задачи и спасение своих боевых товарищей.

Указом Президента РФ от 28 апреля 2012 г. Эпову Евгению Юрьевичу присвоено звание Героя России (посмертно).

*Доцент кафедры ГиСЭД
Е. Е. Задворнова*

По материалам обширного литературного архива Ильи Банникова была издана книга стихов, рисунков и очерков «Баллада пепла» (Чел., 1996), вызвавшая широкий общественный резонанс. Ряд обозревателей назвали 23-летнего южноуральского поэта «уральским Лермонтовым», отмечая его ранний талант, лиризм и глубочайшую любовь к России. О жизни и творчестве поэта телевизионное объединение «Губерния» сняло документальный фильм «Горький пепел» (1999).

Возможно, о каждом погибшем защитнике нашей Родины, особенно молодом, недавнем школьнике или студенте, нужно сделать в школе экспозицию, сохранить его награды и воспоминаний о нем. А имя Героя России уместно присвоить школе.

Нужна и традиция встреч с родителями этих самоотверженных парней, потому что потребность защиты Отечества долгие годы и десятилетия будет еще востребована, как говорит наша история.

Илья Николаевич БАННИКОВ (1971–1994)

Глава 3. ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

И все же смыслом человеческой цивилизации был и будет принцип «сбережения народа». Война – самый жестокий способ разрешения конфликтов. Он становится неизбежным только по людской вине, и чаще всего – из-за претензий элиты, алчности правителей, их ошибок и апломба.

Сама Природа указывает на цель, ради которой она создала Человека, миллиарды лет давая ему на планете Земля ресурсы и среду для появления у него Разума. Космос открылся ему совсем недавно, и нести свой Разум и жизнь на другие планеты – его предназначение, космическая миссия, подкрепленная

совсем молодым созданием Разума – наукой о Вселенной.

Только в русском языке есть это слово «Вселенная», куда необходимо «вселиться». Не распри и не конфликты наши нужны Вселенной, а наш Ум, Терпение, Сбережение живой жизни на планете и в Космосе.

Поэтому в нашем городе и районе благодарная память о людях мирного труда имеет свое, пусть не самое массовое и бросающееся в глаза место (как должествующая память о самопожертвовании при защите жизни в боях и горячих конфликтах).

И самая щемящая душу, наполняя ее приливом благодарности, признательности и прославления на долгие времена, эта скромная, с военных времен, почти извинительная памятная доска с уже пожелтевшим от дождей и сернистого газа мрамором, на котором методом углубления написано:

«В этом здании в 1941–1945 годах размещался эвакогоспиталь № ... для раненых...» Иногда добавлялось: «раненых Великой Отечественной...»

Или: «в помещении «Х» находилась операционная».

Номера эвакуогоспиталей были всегда четырехзначными, намекая, что их – меньше десяти тысяч в стране, значит, всего излечивалось почти пять миллионов (считая, что в среднем в таком здании около 500 коек). Из рассказов моей матери я знаю, что процент выздоравливающих доходил до девяноста. Вот какой подвиг совершили врачи в тылу, в том числе и в нашем городе и районе. Тыл давал не только мощное оружие, продовольствие, одежду, боеприпасы, но и здоровых, излеченных, опытных, умелых, набравшихся осознанного гнева народных мстителей.

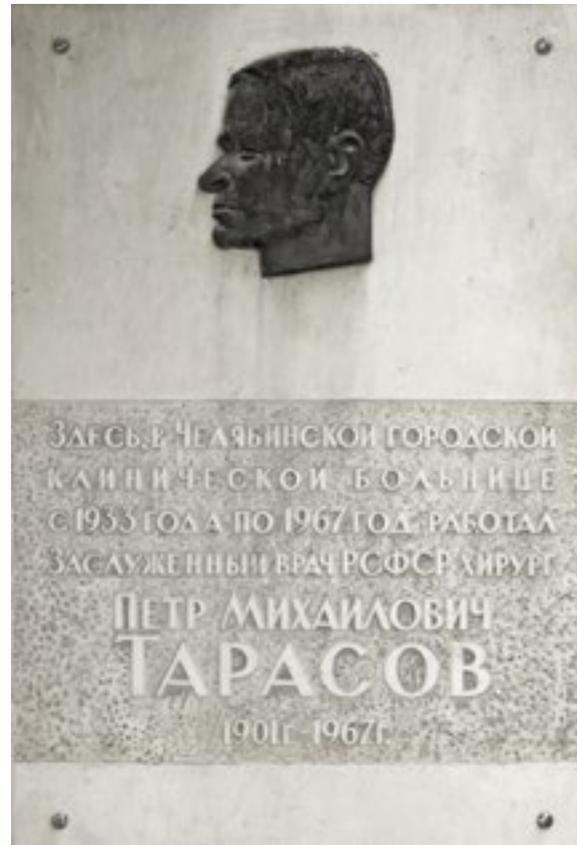
И хотя писал поэт:

*Чтоб быть мужчиной – мало им родиться.
Чтоб быть железом – мало быть рудой.
Ты должен переплавиться, разбиться,
И, как руда, пожертвовать собой...*

Инстинкт самопожертвования присущ всему животному миру, и люди идут на смерть ради жизни детей и стариков. Но разум, одолевая инстинкт страха, делает воинское искусство изощренным и неожиданным. Сохранение жизни своих и уничтожение боеспособности чужих – вот искусство полководца, командира, офицера, ефрейтора, сержанта.

Искусство обретается в практике, в бою (так говорил полковник Александр Семенович Кислицын. Об этом писал в своих мемуарах – о «сбережении солдат». Потом Солженицын назовет «народосбережение» главным искусством политика). Не случайно, что о таких «сберегателях» слагаются легенды.

В Челябинске олицетворением «воскресения из...» стал хирург **ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ ТАРАСОВ** (1901–1967). С первых лет существования области и до конца своей жизни он –

хирург и ученый, организатор и наставник нескольких поколений врачей. По его инициативе город прошел от первых станций переливания крови и эвакуогоспиталей военной поры до создания громадного мединститута, ставшего потом академией. Как сочетался в нем волшебник-исцелитель раненых бойцов и командиров с терпеливым расчетливым главой всего хозяйства клиники и вуза. Яркий лектор и галантный обходительный мужчина – любимец женщин, оставшийся, однако, одиноким бобылем. Это – его тайна...

Именно с Тарасова начинается целая плеяда ярких деятелей здравоохранения, самоотвер-

▲ Бюст П. М. Тарасова из музея медицины

◀ Мемориальная доска П. М. Тарасову

женность и организационный талант которых потрясают целые поколения благодарных горожан, а памятные доски остаются наиболее чтимыми и ухоженными спустя многие десятилетия.

О каждом из них вы найдете не только лаконичные тексты на самих полированных досках, где художественные образы их героев вызывают трепет и преклонение от красоты лиц этих подвижников.

Более полные биографии есть в энциклопедиях области и города, где запечатлены сферы их деятельности, награды и труды.

1941 год, 7 июля. Коллектив родильного отделения дорожной больницы ЮУЖД

Но что важнее всего – память о них хранит целый музей городской больницы и двух железнодорожных клиник.

Вот краткий перечень этих целителей-спасителей только в Советском районе:

ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА ШИЛЬНИКОВА (1902–1989) – выпускница Пермского мединститута (организованного на базе медфакультета Пермского университета, бывшего Дерптского университета, эвакуированного из Эстонии в начале Первой мировой войны – старейшего университета Российской империи, где медики осваивали латынь на мировом уровне).

Окончив его в 1931 году, работала участковым врачом на нашей знаменитой Переселенке, потом – в железнодорожной больни-

це, заведовала строительством поликлиники (ныне 1-й дорожной клинической больницы на Цвиллинга, 41) и стала главным врачом всей врачебно-санитарной службы ЮУЖД.

Во время войны имела воинское звание офицера медицинской службы, заслуги коллектива больницы отмечались благодарственными телеграммами Верховного главнокомандующего И.В. Сталина.

Фотография на черной мраморной доске ярко передает строгий волевой характер женщины в офицерских погонах, с короткой стрижкой и острым пронзительным взглядом. Заслуженный врач и, одновременно, почетный железнодорожник, доброе имя которой вписано не только в историю больницы, но и во всю историю города.

Комсомольский актив 1920-х – врачи Первой дорожной больницы

Дорожная поликлиника, ул. Цвиллинга, 41

На колоннах корпуса этой клиники находится и доска другому титану здравоохранения.

Это **ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛУКОМСКИЙ** (1899–1974) – академик Медакадемии СССР, выдающийся советский клиницист. Из других изданий о нем можно узнать, что он был по специальности терапевтом и кардиологом, педагогом и профессором, действительным членом АМН (1963), Героем Социалистического Труда и лауреатом Госпремии (1969), основоположником всей школы терапевтов

в Челябинске, с 1942 по 1949 год заведующим кафедрой госпитальной терапии в мединституте города.

А затем был избран заведующим такой же кафедрой в Московском 2-м мединституте, а потом назначен главным терапевтом всей страны.

Каждый знает, что врач-терапевт – это не узкий специалист, а врач-универсал, оценивающий в целом весь человеческий организм и находящий в нем (при минимуме аппара-

туры в те годы) уязвимые точки и органы, дающий рекомендации, изучив психологию и жизнь пациента. Такие личности теперь редки, не даром Лукомский был почетным членом французского, германского, польского, американского и др. медицинских обществ.

Ученый-академик был главным редактором журнала «Кардиология», награждался орденами и медалями СССР. Одним словом, оставил добрый след в нашем городе. В стране. И в мире.

Мемориальная доска
Лидии Александровне Гейновой

**Центр восстановительной медицины,
ул. Воровского, 9А**

На здании Центра восстановительной медицины по ул. Воровского, 9А, висит мемориальная доска, посвященная выдающейся женщине, наделенной удивительным организационным талантом, имя которой с неизменным почтением передавалось из уст в уста горожан шестидесятих годов.

Это **ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГЕЙНОВА** (1918–1987) – врач-созидатель, строитель, движитель всей новой сферы в медицине послевоенной эпохи. С 1955 года став во главе городского отдела здравоохранения, она не-

изменно строила новые больницы, клиники, налаживала скорую помощь, ее транспорт, аппаратуру. 20 лет ее трудами и умением совершать благое дело помощи страждущим жила вся медицина города, умножая рождаемость и сокращая смертность.

В те годы Челябинск близился к «миллионнику», а Лидия Александровна Гейнова и после ухода с хлопотного поста в горздравотделе занялась новым строительством – возвела уникальную водогрязелечебницу в центре города, став ее главным врачом и готовя

первоклассные кадры на будущие нелегкие времена.

Посетители этого редчайшего в городе целебного учреждения и поныне вспоминают его мать-основательницу самым добрым словом, а у ее памятной доски неизменно возложены живые цветы.

(Кстати, это единственная мемориальная доска с аккуратно выточенной полочкой для подобных изъятий почтения и памяти на долгие поколения. – К. Ш.).

Возвращаясь к колонному портику 1-й дорожной больницы, где каждая из квадратных колонн позволяет разместить черно-мраморную памятную плиту памяти, мы увидим строгий анфас еще одного выдающегося деятеля медицины с очень выразительной фамилией.

ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГЛУБОКОВ (1923–2007), уроженец Челябинской области из деревни Кошкуль Красноармейского района.

Красноармейцем-добровольцем стал этот юноша, в семнадцать лет попав на фронт рядовым гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшей Сталинград. Всего месяц боев – и ранение разрывной пулей в бедро. После излечения – инвалид второй группы, демобилизованный, он поступает учиться в мединститут в Челябинске. Окончив его в 1948 году, продолжает учебу ординатором госпитальной терапии (помните Лукомского – см. выше), и через десять лет в 1958 году становится доцентом, а потом и заведующим, профессором этой кафедры. Одновременно он проректор, а с 1966 по 1995 год – ректор Челябинского мединститута. Вот как ранение укрепило дух и волю этого солдата-добровольца, сделав его – уральца – выдающимся представителем самой гуманной в мире профессии. Профессии мыслителя, аналитика, добросердечия.

Ордена и медали, гражданские и боевые, включая Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За трудовую доблесть», ордена Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, сочетаются со званиями учеными: «Заслуженный деятель науки РФ» (1995) и «Почетный гражданин города» (1996).

Во главе Alma Mater – мединститута – Даниил Александрович простоял три десятилетия. Если в 1944 году 22 июня при создании вуза

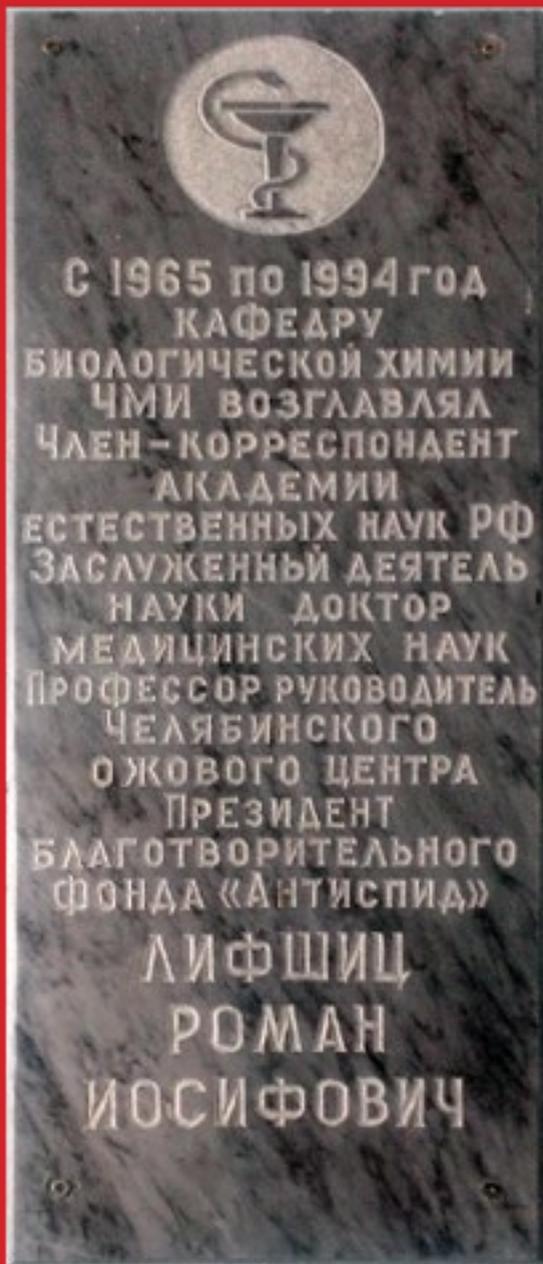

имелся только лечебный факультет, то после прихода к руководству Губокова (в 1966 г.) через четыре года открывается педиатрический (в 1970), в 1996 – факультет менеджмента и сестринского дела с вечерней, а с 1999 года и заочной формой обучения.

С 1995 года приказом Госкомвуза и Министерства здравоохранения РФ институт переименован в медакадемию, занимая в рейтинге страны восьмое место из 49 медвузов.

Поистине титанический образ возникает в нашей памяти, когда глубоко вдумаясь в биографию Губокова, парнишки из казачьего села Красноармейского района Челябинской области. «Где родился – там и пригодился» – гласит одна из самых моих любимых и глубинных русских пословиц.

Мы остановимся подробно лишь на самых выдающихся, уникальных представителях медицинской профессии, которым – по глубокому смыслу их подвига – нужно ставить полноценные памятники, а не только мемориальные плиты-доски (кстати, почти всегда без полочек для цветов по начальственному «умыслу»).

Но ни одной женщине (пусть даже медику) в наших некрополях памятника нет, как и мужчинам-врачам (за исключением **РОМАНА ИОСИФОВИЧА ЛИФШИЦА**, монумент которому поставлен родственниками и выполнен выдающимся скульптором В. Митрошиным).

Роман Иосифович Лифшиц (1929–1994), подростком попав в эвакуацию в Челябинск, окончил медвуз в 1952 году, а уже в 1956 стал кандидатом наук, а доктором – в 1971. Навыки организатора и пылливость ученого сочетались у него ярко и мощно, позволяя вникать в новые разделы биохимии, профессором которой он стал, будучи доктором наук. С 1978 года он создал Челябинский межтер-

риториальный ожоговый центр. Этот центр получил мировую известность в лечебной работе и ликвидации последствий Ашинской трагедии.

Роман Иосифович создал научную школу по изучению лечения ожогов от всех видов (пожара, радиации, химии и т.п.), за что стал заслуженным деятелем науки РФ (1989), членом-корреспондентом РАЕН (1991), награжден орденами Октябрьской Революции (1986) и «Знак Почета» (1981).

Сравнение художественных образов надмогильного монумента и настенной мемориальной доски Роману Иосифовичу, установленной на доме по ул. Цвиллинга, 38, отражает способность большого художника и рядового мастера. Если Виктору Митрошину удалось исключительно точно передать несокрушимую волю и осознание риска, присущие врачу-первопроходцу в борьбе за выживание человека, то рядовой художник (мы не знаем его имя) улавливает лишь черты сановника от медицины, некоего должностного именитого, довольного собой карьериста.

Памятник Лифшицу на Успенском кладбище
работы Виктора Митрошина

Настенная мемориальная доска Роману
Иосифовичу Лифшицу, ул. Цвиллинга, 38

Жаль, что в многочисленных памятниках-изваяниях на наших некрополях-погостах почти нет высокого искусства, а работы подлинных мастеров (таких как Е. Митрошин, В. Авакян, В. Савочкин, Е. Макаров) единичны. Помпезность и претенциозность всегда отталкивают неискренностью, и тогда народная память молчит...

Особенно от этого страдают мемориальные доски, посвященные крупным руководителям советского периода, инженерам-организаторам, а иногда – и ученым.

Памятная доска, ул. Орджоникидзе, 33

Такова эстетика памятной доски в честь выдающегося руководителя железнодорожного транспорта СССР, начальника Южно-Уральской железной дороги в 1953–1966 годах, депутата Верховного Совета РСФСР **ДМИТРИЯ МИТРОФАНОВИЧА КАЛАБУКОВА**. Авторы (или автор) хотели передать почти маршальскую «крутость» характера своего героя, внесшего большой вклад в увеличение показателей дороги, но замкнутого и высокомерного.

Но Д. М. Калабухов известен все-таки больше как социально чувствительный, эстетически и нравственно одухотворенный лидер-организатор массы социальных объектов (жилья, школ, детских садов, больниц), а также инициатор возведения красивейшего в России нового вокзала – ворот в Сибирь, поставленного как подлинный памятник этому замечательному человеку-созидателю.

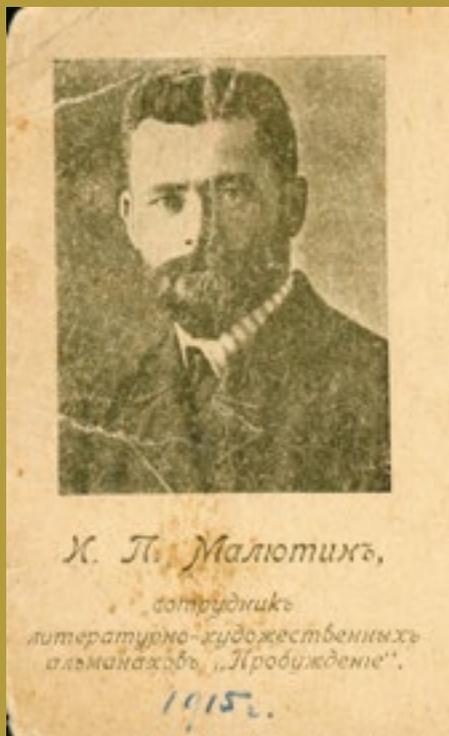
Такое же впечатление оставляет мемориальная доска **ЯКОВУ ПАВЛОВИЧУ ОСАДЧЕМУ** (1901–1977), также крупнейшему руководителю металлургии, Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственной премий, почетному гражданину города.

20 лет возглавляя Челябинский трубопрокатный завод, который он вывел в лидеры отрасли, Яков Павлович прославился как легендарный, яркий руководитель, дотошно знающий производство (мировой эффект его первой в мире трубы диаметром 1000 мм из двух половинок!) и все-таки ценящий, как никто до него, человека-мастера, специалиста с особым чутьем, новатора с риском.

У него много наград, но главная из них – «Кластер Осадчего» – громадный соцгород возле ЧТПЗ с его инфраструктурой, куда выше архитектурным уровнем, чем знаменитый ансамбль Тракторостроя по лекалам Альберта Кана (США) или Вальтера Гроппиуса (ФРГ). И жилые архитектурно-гармоничные кварталы, и Дворец культуры, и стадион, и дома-профилактории, Дворец спорта и плавательный бассейн – и это все создано всего за два десятилетия, как лучшая в городе визитная карточка человека социально чуткого, находчивого, подлинно созидającego «личность» из каждого своего работника.

Мемориальная доска, ул. Тимирязева, 29

Почтовая карточка. 1915 г.

Николай Александрович Морозов и Иван Петрович Малютин с дочерью Антониной. Ярославль. 15 июля 1928 г.

Глава 4. ЭСТАФЕТА КУЛЬТУРЫ

Обратимся теперь к памяти другой когорты мирных тружеников, чью деятельность – ярко публичную и самоотверженную – всегда ценит наша цивилизация, по-разному ранжируя ее акторов, считая их иногда кумирами, а порой забывая в ходе смены идеалов и ценностей.

Я говорю о творцах искусства – публичных людях, число которых всегда не велико, но именно они могут формировать ценности жизни целых поколений, оставаясь в благодарной памяти потомков.

Поскольку, живя с детства в своем городе, я постоянно интересовался различными видами искусства, то встречи с этими личностями запомнились мне надолго, если не сказать – навсегда.

И первой такой личностью – творцом удивительной судьбы стала мне встреча, а затем и прочтение книги воспоминаний **ИВАНА ПЕТРОВИЧА МАЛЮТИНА** (1873–1962).

Трудно поверить, но нам – юным поэтам, делающим первые шажочки в искусстве слова, пионерам 10–12 лет пришлось долго и неоднократно слушать пожилого доброго человек – первого писателя в жизни с его рассказами о своей судьбе.

В Союзе писателей он обсуждал (в 1952–1955 гг.) свою книгу «Незабываемые встречи», где описывал встречи со своим другом – Алексеем Максимовичем Горьким (!), которого мы, конечно, читали «Детство», «Юность», «Мои университеты». Писатель знал его (Горького) многие годы, вместе создавали Союз писателей, который вско-

ре почему-то сослал его (Малютина) в Сибирь, где он чуть не умер от голода, но после войны, спасаясь, приехал к дочери в Челябинск, где просил издать его книгу, которую он долго-долго писал в Сибири, а теперь читал нам (и взрослым писателям тоже) главы из этой книги раз в неделю, по вторникам.

Вот это сюрприз, думали мы: этот писатель из прошлого века знал всех живых классиков, которые давно умерли, и опять хочет пойти в писатели и просит об этом молодых, веселых поэтов-фронтовиков, которые защитили страну от врагов, а теперь защищают писателей-стариков.

В конце моего школьного курса книга И.П. Малютина вышла, и я – уже старшеклассник – узнал об удивительно приключенческой жизни Ивана Петровича – сочинителя из народа, опубликовавшего стихи еще в 1895 году (в 22 года), а первый арест имевшего в 1902 году, скитавшегося по России то сплавщиком плотов, то распространителем политических книг и листовок, то собирателем легенд и историй.

Его друзья – весь цвет литературы той эпохи: Гиляровский и Короленко, Алексей Толстой и Вячеслав Шишков, Сейфулина и Фадеев, Вересаев и Телешев, Качалов и Серафимович.

Невозможно поверить, но он – участник I съезда писателей в 1934 году, был за это осужден в 1937 году и вышел на свободу только в 1951, но при жизни вождя. Долгие его чтения, глуховатый надтреснутый голос слышится мне и доныне, спустя шесть десятилетий. А доброе

Здание, где в 1940–1950 гг. находилось Челябинское отделение Союза советских писателей (СП СССР) – угол улиц Свободы и Тимирязева

напутствие стать создателем книг и нести свой крест через всю жизнь помню абсолютно до слова.

Конечно, удивительно, кто вспомнил этого «самородка из народа», кто сделал ему такую милость. Из энциклопедий известно, что умер он в 1962 году в Майкопе – столице Адыгеи вблизи Сочи. Но многие его письма, книги с автографами корифеев русского слова хранятся как в центральных архивах и музеях, так и в нашем областном архиве.

Вот с кого можно и нужно начинать экспозицию будущего Литературного музея края – с Малютина!

Памятный знак размещен на месте дома, в котором с 1951 по 1957 год жил и работал Иван Петрович Малютин, сейчас там находятся библиотека № 18 и детская библиотека № 5 ул. Калининградская, 23А

А. Островский.
«Волки и овцы».
1951 г.
Мурзавецкий –
П. Кулешов,
н.а. РСФСР

В. Маяковский. «Клоп». 1956 г.
Присыпкин – П. Кулешов, н.а. РСФСР

В. Константинов и Б. Рацер. «Иосиф Швейк против Франца Иосифа». 1974 г.
Фельдкурат Кац – П. Кулешов, н.а. РСФСР

Мемориальная доска Петру Ивановичу
Кулешову на здании, пр. Ленина, 43

Следующей яркой личностью поразительного воздействия на наши души – детей военного времени – стал на многие десятилетия **ПЕТР ИВАНОВИЧ КУЛЕШОВ** (1912–1995). Народный артист СССР.

С детского сада – до нашей почти пенсионерской поры поражал, удивлял, потрясал этот искрометный талант, разноплановый мещанин, мерзавец, притворщик, волшебник, чтец-декламатор, чтец-насмешник, чтец-каламбурист.

Более 300 ролей на сцене, вплоть до самых почтенных лет полон юмора и гротеска, искренности и неузнаваемости в гриме и переодевании.

Мемориальная доска Александру Ивановичу Лазареву, ул. Орджоникидзе, 36А, корп. 1

Такая же масштабная личность – **АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЛАЗАРЕВ** (1928–2001) – филолог, литературовед, краевед, общественный деятель, заслуженный работник культуры.

С Александром Ивановичем связана у челябинцев вся могучая деятельность по сохранению в 60–90 гг. регионального культурного наследия. Он был инициатором создания в крае многочисленного сообщества по охране и реставрации культурных памятников (ВООПИК), где архитекторы и археологи, историки и фольклористы, краеведы и строители делали все возможное, чтобы предотвратить варварское уничтожение храмов, народных промыслов, обычаев и фольклорных обрядов. Это было предвестием грядущего, прозорливо осмысленного Лазаревым, как в своих масштабных просветительских книгах, так и в мудрых рассудительных публичных выступлениях, всегда взвешенных и обстоятельных.

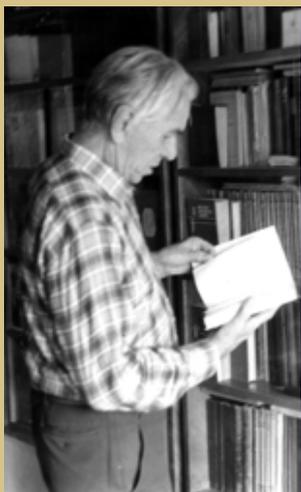
На памятной доске он назван «выдающимся ученым-философом, создавшим более 20 монографий, учебников, фольклорных сборников, первым из мыслителей края написавшим учебник «Народоведение» в четырех томах для школ,

гимназий и лицеев, автором театральных пьес и научных чтений под названием «Бирюковские», которые продолжают и поныне».

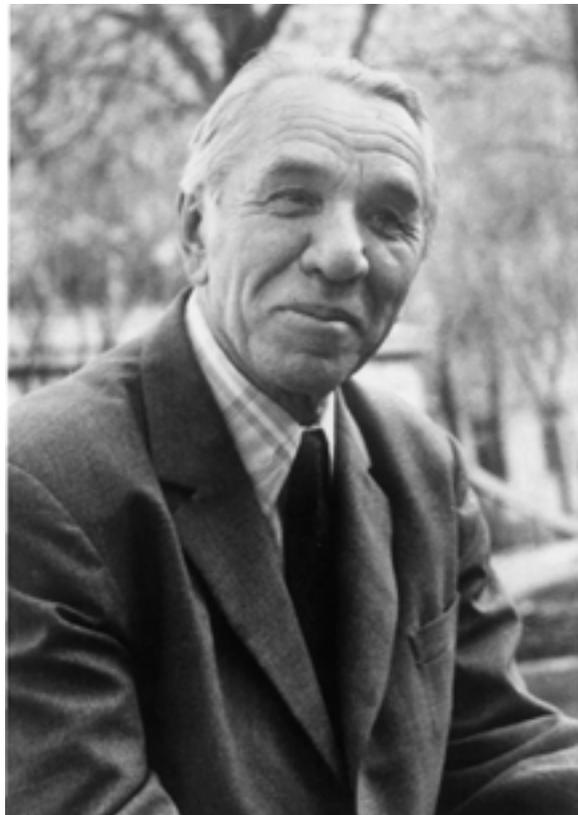
Жаль, что о нем самом пока не издано масштабных исследовательских работ, хотя в наши дни он – один из наиболее далеко видящих патриотов Урала, дело которого живет и расширяется (традиционный фестиваль «Бажовский», клуб «Играй, гармонь», этнографические коллективы студентов и жителей сел и деревень Южного Урала). Однако до сих пор нет этнографической кафедры в регионе, где продолжатели и наследники могли бы расширить масштаб осмысления всего культурного наследия нашей области. Нет и памятника на его могиле, несмотря на его исполинский труд во имя сохранения коллективной памяти нашего народа.

А ведь труд гуманиста-просветителя достоин наивысшей оценки, и никакое время не в силах отменить его личный вклад в копилку мудрости нашего гражданского общества. «Лазаревские чтения», начатые в 2001 году, и именная аудитория в ЧГИКе это только подтверждают...

А.А.Шмаков с юными литературными следопытками г.класс.

Александр Андреевич Шмаков,
русский советский прозаик,
литературовед и краевед.
Член Союза писателей СССР (1949),
член Союза журналистов СССР (1957).
Член КПСС (1938)

Третьим богатырем гражданского общества, защитником традиций, учителем-наставником молодых литераторов, к коим я отношу и себя, был замечательный, трудолюбивый и открытый писатель **АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ШМАКОВ** (1909–1989).

Коренной сибиряк, шахтер и слесарь в молодости, в 20-е годы, газетчик и журналист в 30-е, партиец и пропагандист в 40-е, корреспондент «Правды» в 50–60-е годы, Александр Андреевич, став в 1964 году ответственным секретарем писательской организации области (а был он в те годы автором десятка художественных книг и публицистики), неизменно заботился о литературной смене, сам подавая

пример глубокого изучения прошлого Урала в слове.

Его роман «Петербургский изгнанник», очерковые книги «В литературной разведке» (1973), «Письма из Лозанны» и, наконец, мощный библиографический словарь «Урал литературный» (1988) – это целая плеяда краеведческих исследований о подвигах южноуральских мастеров слова, в котором заново открыты имена литераторов и романистов, поэтов и беллетристов, несправедливо забытых или попавших под репрессии, ушедших за кордон или погибших в лагерях, которых буквально по крупицам разыскал Александр Андреевич (вместе с дочерью Татьяной).

Мемориальная доска Александру Андреевичу Шмакову, пр. Ленина, 45

Основатель клуба «Уральский собеседник» и ныне существующих «Бирюковских чтений» А. А. Шмаков дал компас для новых поколений краеведов, публицистов, поэтов и прозаиков – куда и как двигаться, соприкасаясь и служа словом родному уральскому краю.

Будучи его преданным учеником и единомышленником, я горжусь усвоенными от него уроками нравственной стойкости и преданности родному краю. Особенно горько сознавать, что мы, южноуральцы, до сих пор не смогли реализовать его страстную мечту – создание полноценного музея литературы Южного Урала. Но пока живы мы, его ученики и почитатели, время еще не потеряно.

Итак, мы рассказали о нестигаемых рыцарях гражданского общества, оставивших яркий след своих деяний на поле мирного труда. Медики и инженеры-организаторы, актеры и писатели, ученые и философы надолго остаются наставниками для новых поколений челябинцев. Они учат своим профессиональным подвигом, долгой протяженностью подвижничества, лишенного эффектных вспышек, но озаренного необыкновенным будничным трудолюбием. Все они – звезды нашей социальной сферы.

А где память о тех, кто учил и воспитывал этих необыкновенных людей? Где вообще память о школьных учителях, в течение столетия (с 1917 года!) работавших на обширном поле школьного (да и вузовского) образования?

Приведу слова замечательного писателя, нестигаемого хранителя русских национальных кодов, кудесника языка, патриота и радетеля о благе России Валентина Распутина, ушедшего от нас совсем недавно:

«Я рос в глухой деревне, где самым уважаемым человеком был учитель. Не председатель колхоза, не председатель сельсовета, а воспитатель ребяташек. Им и хотелось стать. И, поступив в университет, я выбрал факультет, где готовились по большей части учителя. Проходил практику в школе, летом в пионерском лагере. Получилось. Одна из сокурсниц написала мне после третьего курса: «Ты будешь самым лучшим учителем...» Я представляю смысл жизни так, как учил меня мой деревенский учитель: найти то место, тот окоп на передовой, где сопротивление злу будет успешнее всего...»

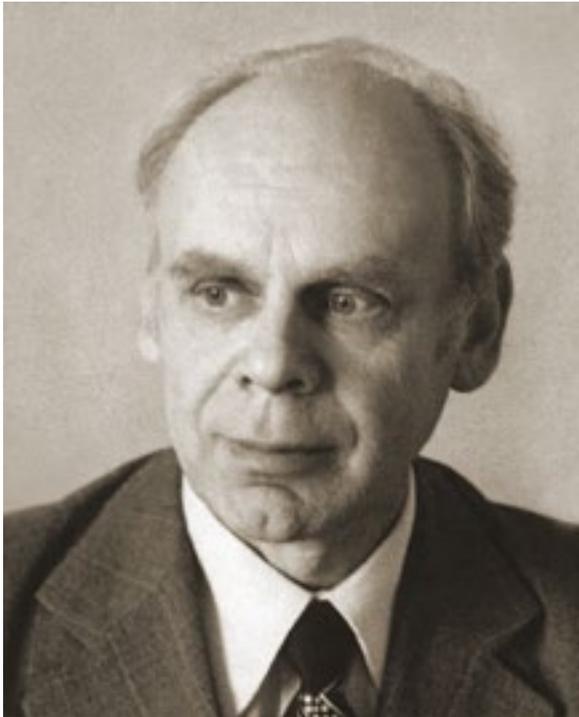
Как известно, Валентин Петрович Распутин был последним писателем Героем Социалистического Труда, сохранившим святое отношение к учителю.

В нашем районе находится несколько досок, относящихся к учителям (или преподавателям) и, по стечению обстоятельств, с каждым из них я имел счастье быть знакомым или учеником.

ФЕДОР ЛЬВОВИЧ СЕРЕБРОВСКИЙ (1922–1986), заслуженный архитектор РСФСР, доктор технических наук, профессор.

В конце 50-х – начале 60-х годов Федор Львович еще не был ни кандидатом архитектуры (стал в 1964), ни доктором (1976), ни профессором (с 1977), но он имел за плечами десятилетний опыт практического архитектора. Окончил лучший в стране элитарный Московский архитектурный институт в 1947 году и прибыл в Челябинск по распределению. Им спроектированы целый квартал вокруг кинотеатра им. Пушкина, дом «Башня» на ЧТЗ по ул. Салютной, Дворец культуры железнодорожников, множество общежитий и монументальное здание «Челяб-энерго» рядом с Управлением ЮУЖД.

Приглашенный преподавать, он стал на наших глазах выдающимся лектором, читавшим нам, будущим строителям, обширный курс «История архитектуры», полный мировых зодческих стилей, эпох, тонкостей красоты и тайн. Обладая художественным вкусом

Федор Львович Серебровский, заслуженный архитектор РСФСР, доктор технических наук, профессор

и неповторимым обаянием, он очаровал нас навсегда, влюбил в архитектурную сказочную сложность и прелесть. Все последующие годы, работая уже на факультете как преподаватель, я сотрудничал с Серебровским как деканом, профессором, зодчим-теоретиком застройки всего северо-запада нашего города.

Союз практики и теории был для него нравственным законом творчества, и вся его жизнь, его семейная династия строителей – пример высочайшей ответственности перед государством, Родиной, гражданским обществом. Закономерно, что его наследие продолжает целый архитектурно-дизайнерский факультет, существующий в ЮУрГУ с 1989 года.

Александр Александрович Оатул, почетный академик Российской Академии архитектуры и строительных наук (РААСН), заслуженный строитель России, доктор технических наук, профессор

В том же квартале, возведенном в конце 50-х годов по улице Цвиллинга, находится мемориальная доска в честь другого корифея строительного дела.

Это **АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ОАТУЛ** (1918–1996) – почетный академик Российской Академии архитектуры и строительных наук (РААСН), заслуженный строитель России, доктор технических наук, профессор.

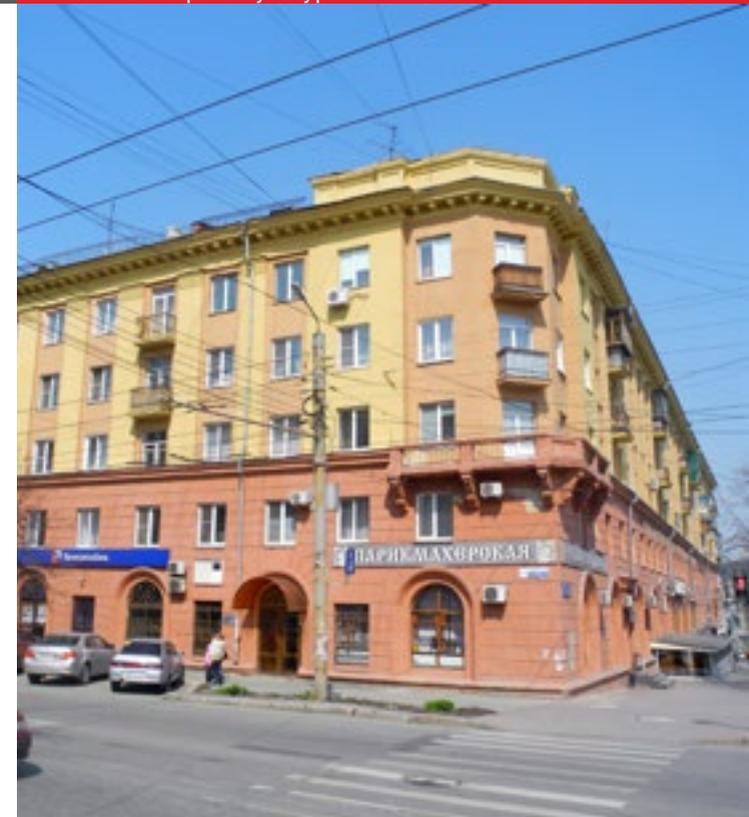
Как и его коллега Ф.Л. Серебровский, Александр Александрович Оатул имел весомый практический опыт как строительства в качестве трудармейца в годы войны, так и хорошего образования (окончил УПИ в 1944). Работал он и на возведении самого здания будущего ЮУрГУ, став в нем ассистентом, старшим преподавателем, а потом доцентом (1957) и профессором (1972), затем заслуженным строителем (1985) и почетным академиком РААСН (1995).

Огромный опыт инженера-специалиста в железобетоне воплотился в самых грандиозных сооружениях Урала – на возведении Троицкой, Рефтинской, Ириклинской ГРЭС, в металлургических заводах Челябинска, Златоуста, Нижнего Тагила, в гражданских уникальных объектах: торговые центры в Минске и Челябинске, дворец спорта «Юность» (1967), цирк (1979), театр драмы (1982–84). Все выпускники специальности «гражданское и промышленное строительство» (ПГС) обязаны были усвоить его курс теории конструкций, полный глубокой аналитики, лабораторных исследовательских опытов, практических занятий на стройках и в проектных мастерских, лучшая в стране школа конструкторов спецбетона до сих пор является ведущей, что видно из грандиозных сооружений в Челябинске (высотные монолитные дома).

Яркий, импульсивный, высокоэрудированный профессор Александр Александрович Оатул почти полвека был лидером прогресса в строительном деле Южного Урала. Вечная ему память и поклон.

Я горжусь, что имею таких ярких учителей-строителей (жаль, что мой личный наставник Андрей Андреевич Абарин (1913–1992), кстати, открывающий собой всю семитомную «Энциклопедию Челябинской области», жил в другом районе), наследие жизни и творчества которых воплощено в прекрасные здания и сооружения, служащие людям многие десятилетия и века.

И жаль, что нет у нас практики информационных табличек зодчих, инженеров, организаторов возведения подлинных памятников культурного наследия. Эта глухота обезличивает и затемняет разум новых поколений, не дает им полностью осознать свое предназначение в этом стремительно меняющемся мире.

Мемориальная доска Александру Александровичу Оатулу, ул. Цвиллинга, 42